

ФЕНОМЕН НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Мухамеджанова Н.М.

**ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург**

В культуре каждой зрелой цивилизации как сложнейшей социокультурной системе выделяются два таксономических уровня: цивилизационный и этнический. Пользуясь терминологией Р. Редфилда и М. Сингера, эти два динамически взаимозависимых элемента можно определить как «большую» и «малую традицию» цивилизации. «Большую традицию» составляют учения, знания, философские, морально-этические системы, эстетические принципы, которых придерживается элита общества, выступающая носителем цивилизационной идентичности. «Малую традицию» составляют народные верования, предания, народная мудрость и изобразительные средства простого народа, в большей степени ориентированного на традиционные ценности и этнический уровень культуры. «Большая традиция» формируется через спекулятивное мышление и духовную рефлексию, сознательно культивируется, систематизируется и передается от поколения к поколению. «Малая традиция» формируется повседневными практиками представителей народа, она более консервативна, сопротивляется любым инновациям и не передается специальными способами.

«Большая традиция» – «высокая культура» древних цивилизаций – возникает стихийно на основе «низкой», «мирской» народной культуры. Но, несмотря на их последующее разделение в более зрелых цивилизациях, между ними существуют тесная взаимосвязь и взаимозависимость. Как пишет Р. Редфилд, эти два пласта культуры представляют собой два потока сознания и действия, которые обладают специфическими чертами, но постоянно переливаются один в другой [2, с. 92].

Таким образом, культура любой зрелой цивилизации не сводится к ее высокому уровню, зафиксированному в общепризнанной классике, но имеет широкое социальное, территориальное и временное разнообразие, а также определенные устоявшиеся механизмы взаимодействия между различными уровнями, элементами культуры, этническими группами и субкультурами и пр. Если «большая традиция» цивилизации – это инвариант культуры, то «малая традиция» – это бесконечное множество вариантов, возникающих вследствие приспособления «большой традиции» к локальным историческим, политическим, культурным, социальным и пр. условиям. В контексте концепции американского социолога Э. Шилза «большую» и «малую традицию» цивилизации можно определить как «центральную зону» и «периферию» цивилизации. Подобное структурирование культуры обеспечивает, с одной стороны, единство и самоидентичность культуры на разных этапах ее развития, с другой – разнообразие и вариативность культуры,

возникающее в результате ее адаптации к конкретным условиям существования [2, с. 171-174].

Кроме того, каждая зрелая цивилизация имеет единую религиозно-этическую систему, которая определяет базовые принципы жизнедеятельности общества и, наряду с политической системой, выполняет функцию соционормативного регулирования. Однако эта общая религиозно-этическая система также не является гомогенной, однородной, в ней также выделяется высокий, сакрализованный, специализированный, элитарный уровень и уровень «мирской», «народной религии».

Так, в древней китайской цивилизации основу религиозно-этической системы составляло конфуцианство, которое доминировало в сфере межличностных, семейных и социальных отношений. Его предписания и требования сопровождали каждого китайца с рождения до самой смерти. Но конфуцианство как слишком рационалистическая и реалистичная религия практически не содержит в своем вероучении магии, мистики, суеверий и других элементов, составляющих наиболее эмоциональную сторону религии. Их отсутствие в конфуцианстве компенсировалось даосизмом с его магическими и мантрическими обрядами, богами и духами и т.д. Наконец, буддизм с его идеей спасения, ада и рая взял на себя важнейшую функцию религиозной традиции – сотериологическую функцию спасения души, искупления грехов, организации погребального обряда и заупокойной службы.

Эта комплексная синтетическая система, в которой существует некоторое «разделение труда» между разными учениями, их определенная специализация, включала в себя два социальных пласта, два уровня – верхний и нижний. На каждом из этих уровней синтез религиозных учений протекал по-своему. Верхний пласт существовал только для избранных, сословия духовных лиц, которые старались соблюдать все основные заповеди Конфуция и презрительно относились к предрассудкам и суевериям невежественных масс.

На нижнем уровне религиозный синкретизм служил удовлетворению духовных нужд малообразованных, безграмотных слоев общества, прежде всего крестьянства. Рядовой верующий не видел особой разницы между этими тремя учениями, одинаково использовал их в своей повседневной религиозной практике. Этот уровень в отличие от высокоинтеллектуального верхнего пласта и следует назвать народной религией.

Особенностями этой системы религиозного синкретизма были

- 1) универсальность, поскольку она охватывала и регламентировала все стороны семейной и социальной жизни верующих;
- 2) эклектизм, включение в систему характерных для всех трех религий представлений, догматов, принципов, праздников, ритуалов, духов, героев и т.д.;
- 3) отсутствие религиозной организации: здесь не было ни церковной системы с ее приходами, ни храмов и жрецов, деливших между собой «сферы влияния»;
- 4) либерализм: здесь не было одного господствующего, обязательного для всех культа, каждый мог выбирать себе духов и богов,

покровителей «по вкусу»». Кроме того, о либерализме этой системы свидетельствует тот факт, что каждая из групп могла иметь свое божество-патрона или героя-покровителя [2, с. 393-405].

С позиций А.А. Мурзина, народная религия как целостная самовоспроизводящаяся система миропонимания и мироотношения народа, включающая в себя мировоззренческий, этический и предметный аспекты, выполняет в этнических культурах региона ряд важнейших социокультурных функций:

- 1) мировоззренческую функцию, определяющую взгляды человека на мир, общество и место человека в этом мире и формирующую культурную идентичность народа;
- 2) ценностно-нормативную функцию, связанную с формированием ценностей, представлений народа о добре и зле, допустимом и недопустимом, прекрасном и безобразном;
- 3) регулятивную функцию, связанную с выработкой определенных правил, норм и запретов, регулирующих социальные отношения;
- 4) адаптивную функцию, обеспечивающую приспособление народа к конкретно-историческим условиям своего существования;
- 5) коммуникативно-интегративную функцию – функцию объединения людей и обеспечения социальной коммуникации на основе осознания своей принадлежности к одной религиозной общности, единства морально-этических представлений и ценностей.

Народная религия, выступая как духовное основание практической деятельности человека, определяет характер повседневной культуры. Связывая повседневную жизнь с высшей реальностью, она наполняет повседневную жизнь смыслами и значениями, раскрывает явления и события с их символической знаковой стороны [1].

Именно народная религия за счет своей универсальности, эклектичности, неинституциональности обеспечивает достаточно высокую степень толерантности во взаимодействии различных этносов, групп в едином социокультурном пространстве цивилизации в целом, а также в ее отдельных территориальных сегментах. Подтверждением сказанного является Оренбургская область, которая в силу своего пограничного положения, полиэтничности и поликонфессиональности может быть представлена как своеобразная модель российской цивилизации.

Оренбургский край – уникальный социокультурный феномен, что обусловлено следующими обстоятельствами:

- пограничное положение между Востоком и Западом, на «перекрестке» различных культур;
- удаленность от центра российского государства, положение на «периферии» социокультурного пространства;
- культурная и цивилизационная гетерогенность;
- симбиоз-синтез разных культурных традиций: земледельческой и номадической, православной, исламской, языческой.

Важнейшим фактором, определяющим ситуацию в крае, был православно-мусульманский фактор. Отношения между двумя религиями в регионе нельзя оценивать как однозначные и стабильные, их характер менялся неоднократно в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Вместе с тем сегодня мы можем говорить об уникальном опыте взаимодействия и сотрудничества христианских и исламских народов в регионе, осмысление которого в современных условиях приобретает особое значение для решения проблем межконфессионального взаимодействия и формирования установок толерантного сознания в российском обществе.

На наш взгляд, в регионах, подобных Оренбургской области, народная религия выступает как регионообразующий фактор, определяющий тип личности, способы коммуникации и предметно-практической деятельности, специфику повседневной жизни и праздничной традиции, систему ценностей жителей региона. В течение многих лет в этнических культурах региона религия существовала в форме «народной религии», «малой традиции», то есть в форме некодифицированных религиозных представлений, верований и практики людей, эклектического соединения православных, исламских и языческих представлений и норм, выполняющих самые разные функции и удовлетворяющих самые разнообразные потребности народных масс.

Магически-ритуальное единство человека с окружающей его средой, интимно-проникновенная связь человека с природой, характерная для язычества, более соответствовала представлениям земледельческих культур о мире и месте человека в нем. Кроме того, самой сути народной религии отвечали такие черты язычества, как установка на гармоничное сосуществование с окружающим миром, способность достаточно легко «вживаться» в любые формы «высоких религий», вбирая в себя их образы, символы и идеи, возможность сохранять и поддерживать чувство этнической идентичности в условиях господства «высоких религий» и др. Ислам же, требующий от человека точного и неукоснительного выполнения всех предписаний шариата, регулировал внешнюю сторону жизни верующих: межличностные, семейно-брачные, общественные отношения, правовую и морально-этическую сферы жизни, обеспечивая таким образом социальное единство мусульманской общины. Однако ислам – это рационалистическая и «практическая религия», которая также практически не содержит в своем вероучении элементов, направленных на эмоциональную сферу человека. Свообразной «религией сердца» для мусульман был суфизм – мистическое направление в мировом исламе. Суфизм с его аскетизмом и мистицизмом меньшее значение придавал внешним формам благочестия и регулировал внутреннюю сторону жизни верующих, направляя усилия человека на достижение высших целей спасения.

Кроме того, суфийский пантеизм больше отвечал менталитету кочевника, поэтому данное учение получило широкое распространение у башкир в XVI – XVIII веках. Та роль, которая придавалась в суфизме личности верующего, его индивидуальному опыту, способствовала усилению его влияния в исламских культурах региона в периоды крайней нестабильности и внешней опасности.

Таким образом, различные элементы этой синкретичной системы находились в отношениях комплиментарности, дополняя друг друга, что, во-первых, позволяло ей удовлетворять самые разнообразные потребности и регулировать различные аспекты жизни верующих; во-вторых, определяло ее терпимость к местным дошариатским и языческим традициям и обрядам, более снисходительное отношение к верующим. На наш взгляд, именно универсальность, эклектичность, либерализм народной религии обеспечивали достаточно высокую степень межконфессионального согласия в регионе.

Распространению народного ислама в этнических сообществах региона способствовала как адаптивность и гибкость самого ислама, его способность адаптироваться к локальным условиям, потребностям государства, и поликультурной среде российского общества, так и определенная изолированность народов региона от «большой традиции» исламской цивилизации. Носителями «большой традиции» исламской культуры – «книжного ислама» – в этнических культурах региона была незначительная прослойка интеллектуальной элиты, высшего духовенства и феодальной аристократии, которая все больше ассимилировалась русской культурой.

Существенное значение для становления культурной специфики местного ислама имел и тот факт, что в Волго-Уральский регионе благодаря длительным связям с народами Средней Азии утвердился ислам ханафитского мазхаба, отличавшийся от других школ суннизма большей степенью либеральности и толерантности по отношению к нововведениям в религиозной догматике и к представителям других конфессий. Для ханафитского мазхаба, который был наиболее распространенной школой в российском исламе, были характерны такие черты, как: легитимация отделения светской власти от религии; признание сосуществования исламской общины с неисламским государством; допустимость нешариатских и дошариатских обычаев и обрядов, что объясняет его достаточно высокую в сравнении с другими толками гибкость и адаптивность.

Таким образом, именно народная религия как целостная система, включающая в себя элементы различных религиозных представлений, обеспечивала ее самосохранение и устойчивость, с одной стороны, и гибкость, способность к адаптации к длительному существованию в условиях иноконфессионального (а в XX веке – светского) государства – с другой. Кроме того, она во многом определила специфику местного ислама, особенности его развития на разных этапах российской истории, обусловила возникновение в нем уникальных феноменов, не характерных для «большой традиции» исламской культуры (например, культурно-религиозное реформаторство, джадидизм как результат адаптации этнических сообществ к процессам модернизации российского общества на рубеже XIX-XX веков). Именно народная религия придавала статус легитимности институтам, нормам, образцам, заимствованным из других этнических культур и не характерных для «большой традиции» культуры, обеспечивая таким образом их усвоение, закрепление и стереотипизацию.

Таким образом, народная религия как целостная система выполняла в этнических культурах региона ряд важнейших социокультурных функций: адаптивную, регулятивную, ценностно-нормативную, коммуникативную, функцию легитимации повседневных практик представителей народов, обеспечивая достаточно высокую степень толерантности и позитивного межконфессионального диалога в полиэтническом регионе.

Список литературы

1. Мурзин, А.А. Народная религиозность как феномен культуры горнозаводского Урала XVIII- начала XX вв. : автореферат дисс. ...канд. культур.: 24.00.01./ А.А. Мурзин. – Екатеринбург, 2012. – 26 с.

2. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учебное пособие для студентов вузов / под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 556 с. – ISBN 5-7567-0217-2.